

Мир новостей - 2000 - 1 янв. - с. 5

ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ. ГИПОТЕЗАХ. ЛЕГЕНДАХ.

Марина Цветаева поражала сочетанием надменности и растерянности; осанка была горделивой - голова, откинута назад, с очень высоким лбом; а растерянность выдавали глаза: большие, беспомощные, как будто невидящие - Марина страдала близорукостью. Судьбовая близорукость - беспомощность сделали ее беспомощной перед великим природным даром писать стихи, делать сына и "по-звериному безотвратно" любить мужа.

У него узкое лицо, темный разлет бровей и под ними такие огромные, совершенно невероятные по красоте и величине глаза. Они серо-зеленоватые, сияющие добротой и счастьем. Сергей Эфрон гордился своим родом. Его мать была Дурново, носила знаковую для России фамилию. В 17 лет ушла из дома в революцию. Была членом "Народной воли". Она погибла незадолго до его знакомства с Мариной. Сын, безумно любивший мать, стал таять. Уже на глазах Марины у Сергея резко развился туберкулезный процесс. На него нельзя было смотреть, Марина была при нем, как живая рана. Под таким трагическим черным символом начиналось их "вместе".

- Макс, я выйду замуж только за того, кто из всего побережья угадает, какой мой любимый камень.

- Марина (вкрадчивый голос Максимилиана Володина), - влюбленные глупеют. И когда тот, кого ты полюбишь, принесет тебе... булыжник, ты совершенно искренне поверишь, что это твой любимый камень.

- Макс, я от всего умнею! Даже от любви.

Ее любовь к Сергею была и умной, и трагически предreshившей судьбу обоих. А с камешком сбылось. Сергей и впрямь нашел и вручил Марине величайший для нее сюрприз - генуэзскую сердоликовую бусину (которая будто бы хранилась у их дочери Ариадны до ее смерти).

Она не сводила с него глаз. Каждый миг с ним было познание и любовное, все более глубокое погружение в его душу, самую для нее дорогую. Самую драгоценную, ни с чем не сравнимую. Это сердце, эта жизнь брали все ее силы, поглотили нацело. В его взгляде, на нее устремленном, было все ее будущее (страшное, адовое). Он никого еще не любил. Он пошел в ее руки, как голубь. В ее стихах он понимал каждую строку, каждый образ. Было непонятно, как они

НЕТ ПОВЕСТИ ПЕЧАЛЬНЕЙ И СТРАШНЕЕ, ЧЕМ ЭТА -

О МАРИНЕ И СЕРГЕЕ

жили врозь до сих пор: "Наконец-то встретила надобного мне. У кого-то смертная надоба во мне..."

К свадьбе она была равнодушна, понимая, что это надо обществу, папе. Тайнству брака ее никто не учил. Что случилось с Мариной! Она - почти красавица. Ее наружность ей так не нравилась, так мучила: полнота, румянец, прямые волосы, как ей казалось, недостаточно большие глаза и короткая шея. И вдруг прямо перед свадьбой она похудела, шея подлинела, румянец почти исчез, а волосы после десятикратного (тифозного) бритья завились крупными золотыми кудрями. Сохранилась фотография той поры - красавцы ангелы. Летом 11-го года будущее рисовалось им счастливой нескончаемой сказкой. Как говорится, нарисует - дом построим, будем жить. Они и нарисовали: вместо своего дома - чужие холодные подворья, звезды над окопами "той единственной гражданской", приюты Праги и Парижа, казематы Лубянки, последнее смертное пристанище в далекой и чужой Елабуге. Но до этого еще вроде далеко. Еще надо пережить смерть любимого отца Марины, разор семьи Дурново, тягчайшие разочарования в любовях и дружбах, непреодолимое ежечасное, ежесекундное давление - власть над собой творческой стихии. В 14-м году их любовь подстерегла неожиданная опасность. Марина знакомится с поэтессой Софией Парнок, женщиной на девять лет старше ее, известной в обществе своими го-

мозротическими склонностями. Очевидцы утверждают, что это была любовь с первого взгляда. Цветаева призналась: "Сердце сразу сказала: "Милая! Все тебе - наугад простила я, ничего не зная, даже имени! - О, люби меня, о, люби меня!" Можно только предполагать, что заставило Цветаеву ринуться навстречу этой страсти. Неудовлетворенность? Цветаева писала: "И вот улыбающаяся девушка, которая не хочет постороннего в своем теле, которая не хочет его и своего, которая хочет только моего... которую нечего бояться, от которой не надо защищаться..." Да, ей кажется, что она счастлива и свободна и как жена, и уже как мать - любить без страха, любить, не причиняя боли. Но вскоре Парнок напишет, обращаясь к Сергею Эфрону: "Не ты, о юный, расколдовал ее. Дивясь на пламень этих любовных уст..."

Такая она была - эта сумасшедшая безоглядная греховная любовь Марины. К жизни. Ко всем ее Небесам и безднам. Именно в 15-м году, словно оправдываясь за все, что будет дальше, поэт решительно заявила о своих претензиях ко всему и всем: "Заповедей не блюла, не

ходила к причастью. Видно, пока надо мной не пропоют литию, Буду грешить - как грешу - как грешила - со страстью! Господом данными мне чувствами - всеми пятью!" И дальше Сережа не будет замечать ни Сонечку Голлидей, ни Юрия Завадского, ни Анатолия Штайгера, ни Родзевича, ни Поплавского, ни, ни... Есть признание героя лирических поэм Цветаевой о том, как Эфрон относился к их роману: "Он предоставлял ей свободу, устранился..."

Вот и весной 15-го года, скорее всего, чтобы "устраниться", С.Эфрон, оставив университет, поступает братом милосердия в военный санитарный поезд. Шла война. А потом Белая армия, Крым, отплывший пароход, скитальная Европа. Марина же с родившейся и вскоре умершей от голода дочерью Ириной одна в Москве. Когда весной 21-го Илья Эренбург поехал за границу, Марина попросила его найти мужа. Эфрон разыскался в Праге. Марина воспрянула духом и стала хлопотать о выездном паспорте. В Наркоминделе ей сказали: "Вы еще пожалеете, что уезжаете..." Скорее так: Цветаева не успела даже осознать, что,

вернувшись в 39-м в Советский Союз, она вернулась на плаху. Не успела, не поняла, а если и успела, то поняла обо всем слишком поздно. Всю жизнь Сергей Эфрон был для Марины не только мужем, но и сыном, самым трудным из ее детей. Это коренилось в их раннем сиротстве, в Маринином подсознательном понимании, как человеку необходима мать. В одной из последних в жизни Цветаевой записей после возвращения на Родину и новой встречи с мужем приведен разговор с ним, который можно считать ключевым к пониманию всей тридцатилетней их любви. На вопрос "Разве вы не видели?" (они всю жизнь были на "вы") он отвечает: "Я на вас смотрел". Да, он, несмотря ни на что, бесстрашно ее любил. И беспомощно.

Во Франции Эфрона втянули в "Союз возвращения на Родину", завербовали в агенты НКВД, поручили подготовить убийство советского дипломата-изменника Рейсса. Дочь Ариадна Эфрон приехала в Москву в самом страшном 37-м, отец и мать позже. Все - прямоком на заключение: на допросы, в кабинет Берия, в лагерь, в ссылку, под расстрел. Марина Цветаева - в петлю. Ее письмо Сталину о муже не дошло до адресата. О чем думала она в последние елабужские дни? Существует три версии самоубийства великого поэта: из-за любимого сына, "облегчая" его участь, поняв окончательно, что не может ему помочь; из-за душевного ее нездоровья, обострившегося с начала войны (а Маяковский был здоров? А Есенин?); из-за роковой роли Лубянки, НКВД. Версии, связанные с любимым мужем и единственной судьбой, вроде бы не существует, хотя Цветаева, возможно, догадывалась, что к часу ее смертного решения Сергея уже не было в живых. И она шла за ним. Он потянул ее за собой. В оправдание всего - любви, измен, гордыни, поэзии, самой жизни. Она приняла смерть как протест одолеть принуждение. Лучше смерть, если нельзя быть рядом с любимым. Любимыми.

Не возьмишь моего румянца - Сильного - как разливы рек! Ты охотник, но я не дамся, Ты - погоня, но я есмь бег.

И Цветаева убежала. От живого смертного - в вечность. Ей давно уже не страшн апокалипсис, которого мы ждем не дождемся. А ее поэзия - живет нас живых.

Ф.М.